

Верисгофер К.

АЛМАЗЫ ПЕРУАНЦА

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Карл Верисгофер
Алмазы перуанца

«Алисторус»

1889

УДК 821.112.2
ББК 84(4Г)

Верисгофер К.

Алмазы перуанца / К. Верисгофер — «Алисторус»,
1889 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03461-9

Под именем Карла Верисгофера скрывается необычайно популярная немецкая писательница конца XIX – начала XX века Софи Верисгофер (1839–1890). В последнюю четверть XIX столетия ее романы приключений пользовались большой популярностью. Лучшими произведениями Верисгофер можно считать «Корабль натуралистов» – образовательное путешествие двух юношей по Африке, Борнео и островам Полинезии, и «Среди пиратов» – роман о приключениях мальчика среди мавританских пиратов в XVII столетии. Бенно Цургейден, главный герой романа «Алмазы перуанца», публикуемого в этом томе, знакомится с Рамиро, директором бродячего цирка, захватившего в его родной Гамбург. Но это знакомство очень не понравилось дяде юноши, который отправляет Бенно к своему приятелю – торговцу в Рио-де-Жанейро. На корабле судьба вновь сводит Бенно с Рамиро, который направляется в Рио, чтобы забрать причитающиеся ему алмазы, найденные его дедом. Сбежав от торговца, они вместе пускаются в полное опасностей и неожиданностей путешествие через джунгли на поиски алмазных копей деда Рамиро.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Г)

ISBN 978-5-486-03461-9

© Верисгофер К., 1889

© Алисторус, 1889

Содержание

Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Карл Верисгофер

Алмазы перуанца

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Часть первая

Скитания юного беглеца

Глава I

Цирк у городских ворот. – Дом Цургейдена. – Тени прошлого. – Участь артистов. – Репетиция

Это произошло в первой половине XIX столетия.

По зеленому городскому валу старого ганзейского города Гамбурга гуляла, громко разговаривая, веселая толпа мальчиков-подростков. По-видимому, все они принадлежали к числу воспитанников старших классов гимназии. Среди них особенно выделялся красивый юноша, на целую голову выше остальных своих товарищей, полный сил и здоровья, полный жизни и энергии, с веселым, смеющимся взглядом больших голубых глаз, смело и бодро смотревших на жизнь и свет, с открытым и умным лицом и румянцем во всю щеку. Звали его Бенно Цургейден; он был родной племянник богача, оптового торговца и сенатора, носившего ту же фамилию, в доме которого он рос и воспитывался.

– На поле Святого Духа что-то происходит, – обратился к товарищам Бенно, вдруг останавливаясь и к чему-то прислушиваясь. – Смотрите, там мелькают огни, и до меня доносится какой-то повелительный голос, как будто отдающий приказания!

– Да, и стук молотка! – добавил другой мальчик.

– Только что там ржала лошадь!

– Неужели?! Что, если приехал цирк?

При этой догадке вся юная компания пришла в волнение. Цирк! Эти пестро разряженные клоуны, наездники, наездницы, эти странствующие артисты с учеными обезьянками, собаками, дрессированными лошадьми и другими животными были в ту пору редким и потому везде желанным развлечением. Надо было поспешить узнать, не предстояло ли теперь в самом деле такое удовольствие.

До городских ворот было рукой подать, мальчики недолго думая бегом устремились к ним и тут увидели за городским рвом сцену, возбуждавшую в них живейший интерес. Позади еще строящегося круглого дощатого балагана стояли не то фуры, не то фургоны с маленькими окошечками и дымовыми трубами, окрашенные в желтой и голубой цвета. Балаган, вне всякого сомнения, предназначался для цирковых представлений. Несколько лошадей, симпатичный ослик и другие четвероногие были привязаны к коновязям, тогда как несколько обезьянок, выряженных в красные тряпки, съжившись, понуро сидели на корточках на крышке большого деревянного ящика и, по-видимому, находили этот теплый летний вечер слишком прохладным для себя. Между фургонами толпились в траве дети различных возрастов, очень бедно, даже жалко одетые в старенькие поношенные вещи. Несколько мужчин с топорами и молотками в руках усердно работали над возведением дощатых стен балагана, который к следующему вечеру нужно было не только кончить, но и пестро разукрасить разноцветными реденькими тканями для предстоящих спектаклей.

Зоркие глаза Бенно жадным, любопытным взглядом окинули всю эту весьма скудно освещенную несколькими жестяными фонарями своеобразную картину.

– Превосходные лошади! – прошептал он. – Эх, если бы вон тот конь принадлежал мне!

– Что ж, ведь твой дядюшка миллионер, ему ничего не стоит купить тебе лошадь! Не так ли?

При этих словах легкая тень печали мелькнула на красивом лице Бенно.

– Есть у кого-нибудь из вас деньги при себе? – спросил он, обращаясь к своим товарищам.

– У меня есть! – ответил один из мальчиков.

– И у меня тоже! – заметил другой. – А что ты хочешь сделать?

Бенно указал глазами на привязанного к коновязи ослика и сказал:

– Этот серый, наверное, так обучен, что при известном движении или знаке своего владельца сбрасывает каждый раз седока на землю, и вот мне страшно хочется испробовать этот трюк!

– Что же, попробуй! Вот тебе четыре шиллинга!

– А вот и еще два! Не странно ли, Бенно, что у тебя никогда не бывает денег?

Яркая краска стыда залила лицо красивого мальчика.

– Мой дядя считает лишним, чтобы я постоянно имел карманные деньги, – сказал он, – ну а теперь давай мне займы твои четыре шиллинга, Мориц!

Мальчики спустились с вала и приблизились к группе работающих мужчин, главным образом к тому из них, который отдавал приказания и, по-видимому, руководил остальными. Орлиный глаз его улавливал мельчайшие ошибки, следил за всем, все видел и замечал.

– Добрый вечер, молодые люди! – любезно раскланялся он, вынимая трубку изо рта. – Вы, вероятно, желаете посмотреть лошадей? Прекрасно! Вы все, конечно, пожелаете завтра на наше первое представление? Не правда ли?

– Этого мы еще не знаем, – отвечал за всех Бенно, – но нельзя ли узнать, что это у вас за осленок, господин директор, – дрессированный он? Вероятно, он проделывает какие-нибудь фокусы?

– Фокусы? Этот-то? О нет! – возразил черноволосый мужчина со смуглым лицом, несомненно южного типа, очевидно весьма польщенный званием директора. – Это самый упрямый и злой из всех своих собратьев! Еще ни одному наезднику не удавалось до настоящего времени усидеть на нем в седле!

– В самом деле? – спросил Бенно, взглянув на своих товарищей. – Я бы очень хотел попробовать прокатиться на нем!

– Что же, это возможно! Вы дадите, конечно, на чаек, молодой человек!

– Ну, разумеется, это самое главное! – презрительно уронил Бенно, вручая ему свои четыре шиллинга. – А вы что заплатите мне, если я благополучно проеду на вашем осле взад и вперед?

– Тысячу галеров! – с большим достоинством отвечал брюнет. – Вы можете прочесть такое заявление ежедневно на всех моих афишах!

– Будьте же любезны приготовить деньги! – проговорил Бенно.

Все цирковые наездники громко рассмеялись при столь самоуверенном заявлении. Директор сам оседлал осла и подвел его, затем достал из ящика короткий хлыст и вызывающе щелкнул им по земле.

– Ну, Риголло, доброе мое животное, будь кроток и послушен с этим молодым господином, слышишь!

Мориц и остальные мальчики переглянулись между собой.

– Смотри берегись, Бенно! – сказал один из них.

– Пустяки, он кроток, как ягненок, бедняга, тощий, полуголодный! Смотрите, как я проеду на нем! – беспечно отвечал юноша.

Он подобрал поводья, и Риголло послушно потрусил легонькой рысцой; казалось, он в самом деле был смиреннее ягненка, но Бенно не поддался на обман и зорко следил за каждым жестом директора цирка, стоявшего посередине круга и оборачивавшегося все время лицом к ослу, описывая хлыстом круги на песке арены. Очевидно, он хотел дать время юноше совершенно освоиться с мыслью, что он отлично справляется с ослом.

Но сердце Бенно учащенно билось. Он не спускал глаз с директора, как бы ежеминутно ожидая нападения с его стороны, нападения, от которого для него должна была зависеть жизнь или смерть. Но вот как бы случайно хлыст поднялся всего на одну секунду вверх, и в тот же момент осел с удивительной быстротой поднялся на дыбы, как свеча, так что Бенно непременно очутился бы на земле, если бы не был все время наготове. Точно железными тисками сдавил он бока несчастного животного, – и оно волей-неволей принуждено было опуститься на ноги и принять свое обычное положение.

Лицо директора исказила гримаса.

– Вы превосходно сидите в седле, молодой человек, – любезно заметил он, – быть может, вам и в самом деле суждено совладать с нашим упрямым Риголло!..

Бенно утвердительно кивнул и ласково потрепал по шее осла.

– Смотрите, как побледнел Бенно и как у него горят глаза! – заметил один из мальчиков.

– Знаешь, он, по-моему, вовсе не на своем месте в классе; наука вообще как-то не по нем... – вставил другой. – Ей-богу, не могу себе представить его доктором или судьей, в очках, с серьезной, торжественной миной на лице!

– Смотрите-ка, осел пошел галопом!

В самом деле хлыст в руке директора стал быстро описывать круги, но уже не по земле, а в воздухе и вдруг, когда никто того не ожидал, поднялся кверху. Произошло то же, что и в первый раз. Риголло не мог ни сбросить своего седока, ни даже сам броситься на землю; он весь дрожал; едва держась на ногах, доплелся он до своих яслей и уже более не соглашался двинуться с места.

Бенно соскочил с седла.

– Ну а теперь, господин директор, пожалуйста мне обещанные деньги! Все они – свидетели, что ваш Риголло не смог меня сбросить! – воскликнул, смеясь, юноша, стараясь скрыть под преувеличенной радостью свое торжество.

Никто не отвечал ему. Человек с хлыстом был бледен как мертвец, даже губы его побелели. Он с трудом выговаривал слова.

– Цирк мой еще не открыт, – пробормотал он, как бы извиняясь или оправдываясь, – так что эта тысяча талеров были...

– Просто шуткой! Не так ли? – добавил Бенно. – Ну да, конечно, тем не менее я требую определенного вознаграждения, господин директор!

– Какого?

– Вы должны обещать мне, что не будете бить бедного Риголло!

– Только-то? – воскликнул сразу повеселевший директор.

– Разумеется.

– Bravo, молодой человек! Вы сразу полюбились мне! Какой бы знатный наездник вышел из вас! – восхищенно воскликнул директор.

– О, слишком много чести! – весело отозвался Бенно.

– А почему, собственно, нет?! Артистов чтит весь мир. А кем, позвольте вас спросить, желали бы вы стать в будущем?

– Кем бы я желал быть?! – в раздумье повторил юноша. – Кем? Ну, да со студенческой жизнью я еще могу примириться. А что дальше будет, еще увидим!

Акробат закивал:

– К тому времени вы успеете уже стать мужчиной и тогда поступите как вздумаете, как хотите. Не правда ли? Но чувствует мое сердце, что в один прекрасный день вы забросите все свои книги на полку и покажете спину наукам!

Яркая краска залила красивое лицо Бенно.

– Вы так думаете? – проговорил он, очевидно, для того, чтобы сказать хоть что-нибудь.

– Уверен в этом! И тогда вы так же легко можете стать цирковым наездником, как и кем-нибудь другим. Но, конечно, лучше было бы вам без проволочек начать карьеру артиста. У меня как раз нашлось бы теперь дело для такого ловкого юноши, как вы!

Бенно рассмеялся:

– До свиданья, господин директор, не забудьте же своего обещания!

– Нет, нет! Будьте совершенно спокойны на этот счет!

Бенно поклонился и хотел уже идти, как чья-то рука коснулась его. Оглянувшись, он увидел пару темных глаз, смотревших на него не то испуганно, не то вопросительно; они принадлежали юноше немногим старше его самого, стройному и бледному, с робким смущенным видом.

– Вы знакомы с черной магией? – спросил незнакомец.

– Что вы говорите? – изумился Бенно.

– Я спрашиваю, можете ли вы управлять сверхъестественными силами?

– Мигель! – строго окликнул директор. – Поди-ка сюда! Он славный парень, – продолжал он, обращаясь к Бенно, – усердный, честный, но... – И он покрутил смуглым пальцем возле виска. – Конечно, это имеет свои особые причины!

Мигель боязливо поглядывал на хлыст в руке наездника, но тем не менее продолжал:

– Мне все-таки очень хотелось бы знать, знаком ли этот молодой человек с тайнами черной магии!

– Почему вам пришла эта мысль, неужели только потому, что я сумел совладать с ослом? – спросил Бенно.

– Именно так! Ведь еще никто не мог заставить Риголло идти под собой покорно и спокойно, никто! Бедное животное теперь дрожит всем телом, тогда как до настоящего времени Риголло никого не боялся!

Бенно ласково протянул Мигелю руку и сказал:

– Ничего сверхъестественного в этом деле не было! Могу вас уверить! Да неужели вы всерьез верите в такие вещи, как колдовство или сверхъестественные силы?

Юноша боязливо оглянулся кругом и сказал таинственным шепотом:

– Да!

– Мигель! – снова крикнул директор.

– Молчу, молчу!

Гимназисты заторопились, чтобы успеть обратно в Гамбург, прежде чем запрут городские ворота. Все заметили, что Бенно, вопреки обыкновению, был молчалив и только про себя сказал: «Вот такого скакуна я бы хотел иметь!»

– На моем коне ты всегда можешь кататься, Бенно! – проговорил Мориц.

– Благодарю, но я хотел бы, чтобы лошадь была моею собственностью.

– А разве у тебя нет никакой собственности?

– Никакой!

– Ни своей библиотеки, ни коллекций, ни абонемена на купанье, ни даже пары коньков?

– Ничего!

– Что же тебе дарят на день твоего рождения или на Рождество?

Бенно изменился в лице.

– Что случится! – сказал он. – Однако до свиданья, господа, мне здесь направо!

– Да, подождите же, Бенно, мы проводим тебя еще немного!

– Нет, нет, я очень спешу, господа! – проговорил юноша. – Спокойной ночи! – И он скрылся за углом улицы.

Мальчики, посмотрев ему вслед, переглянулись.

– Вы его огорчили, беднягу, – сказал Мориц, – у него нет ни отца, ни матери; он живет в доме этого противного старого ворчуна, дяди, который, кажется, тяготится им, а мы напомнили ему об этом, заговорив о наших подарках!

– Да, говорят, сенатор – очень скупой человек и никогда никому не даст и пфеннига. Зато никто его и не любит!

– Недавно мой отец сказал: «Цургейден не умеет смеяться», затем он прибавил к этому еще нечто, я даже не смею сказать, что именно...

– Раз начал – договаривай! – просили мальчики.

– Отец добавил: «Я убежден, что у Цургейдена лежит на душе какой-нибудь тяжкий грех, какое-нибудь страшное дело на совести!»

– На то похоже! Никто к нему не ходит, и сам он ни к кому не ходит! Да, нечего сказать, бедному Бенно несладко живется с таким дядюшкой да его старой бабкой!

Пока компания юнцов расходилась в разные стороны, Бенно поспешно добежал до мрачного старинного дома дядюшки – неуклюжей голландской постройки, совершенно тонувшей в окружающем мраке, с тяжелым навесом и островерхой крышей и окнами, круглые стекла которых были вставлены в жестяную оправу. У входа на медной дощечке значилась надпись: «Цургейден и сыновья», а над воротами красовалась латинская надпись: *In Deo spes mea*¹.

Таково было мрачное жилище Бенно Цургейдена. В тот вечер ни в одном из окон не виднелось ни признака света: всюду царили темень и тишь. Ни веселое движение на улицах города, ни теплый августовский вечер – ничто, по-видимому, не действовало на обитателей этого мрачного жилища. Все двери были плотно закрыты, и окна завешаны, в окнах не виднелось ни одного горшочка цветов, ни клетки с птичкой, ни одного веселого человеческого лица, как будто все здесь вымерло.

Бенно неслышно прошмыгнул в калитку, тихонько пробрался по двору и осторожно постучался в единственное маленькое подвальное окошечко, откуда выбивался свет.

– Гармс, это я,пусти меня!

– Сейчас,сейчас, мой милый!

Свет в окошечке исчез, и вскоре кто-то осторожно отворил калитку, ведущую во внутренний дворик. Приветливого вида старичок ласково поздоровался с мальчиком и потрепал его по плечу.

– Ну, где же ты сегодня пропадал, голубчик? Ты смотришь что-то совсем невесело?!

Бенно вздохнул.

– Гармс, – сказал он, – мне бы хотелось с полчаса поболтать с тобой!

– Так пойдем со мной, благо старая Маргарита еще не вернулась домой. Скажи мне, что с тобой, мой мальчик?!

– Ничего, Гармс, я вот размышлял сегодня о разных предметах и пришел к убеждению, что мы живем здесь какой-то особой, странной, неестественной жизнью, словом, не так, как другие люди!

Между тем старик ввел своего любимца в низенькую, скромно обставленную комнату, где они уселись друг против друга в покойных старинных креслах у окна.

– Странной, неестественной жизнью говоришь? Ну да, да! – закивал старик. – Для тебя, голубчик, это, конечно, невеселая жизнь! Бабушка и дядюшка – люди старые, к тому же еще болезненные и угрюмые, они не любят слышать чужого голоса, ни видеть чужого лица, а тебя тянет в люди, тебе хочется говорить и смеяться. Только ты не думай об этом, не сокрушайся: ведь скоро для тебя настанет хорошее студенческое время, вольное барское житье в Йене или Гейдельберге, и тогда тебе будет хорошо и никому тебе не надо будет давать отчета, кроме своей совести!

¹ В Боге моя надежда (*лат.*).

Глаза Бенно блеснули при этом, хотя он недоверчиво покачал головой.

– Едва ли, Гармс, это будет таким счастливым временем для меня! – отвечал он, и лицо его покрылось густым румянцем.

– Черт побери! Да почему же нет? Как будто я не знаю! Господа студенты живут так, как будто весь мир был создан только для них!

– Да, если они богаты, Гармс! Но видишь ли, мой дядя не тратит даже на себя ни одного лишнего пфеннига, и я уверен, будет требовать и от меня, чтобы я жил так же, как он, а ты не можешь себе представить, как бы я желал иметь рапиру, маску, нагрудник, перчатки и...

Старик добродушно засмеялся.

– Ну... ну, – сказал он, – высказывай все, милый мой... что еще?.. А?..

– И верховую лошадь, Гармс! Да, больше всего мне бы хотелось иметь свою верховую лошадь!

– И ничего более? Однако нескромные же у тебя желания! Всего этого ты ни за что в жизни своей не получишь от господина сенатора!

– Вот видишь, Гармс!

– Ничего я не вижу. Наш старикан, – я хотел сказать, его милость, – конечно, подумал бы, узнав о твоих желаниях, что пора запастись тебе местечко в доме умалишенных, – против этого я не спорю, но ты не унывай и не падай духом: ведь, и по ту сторону гор тоже есть люди, и в числе таких маленьких людей есть некто, который тебя очень любит и много о тебе думает. Этот некто – я!

Растроганный словами Гармса, Бенно благодарно кивнул ему головой.

– Знаю, знаю, старина, но ведь ты... то есть от тебя...

– Ну, ну, доскажи-ка до конца свою мысль. Ты, кажется, мечтаешь о рапире и о верховой лошади... Не так ли? Все получишь, мой милый: будешь и верхом ездить, и фехтовать, будешь вполне счастлив и доволен! Видишь ли, я без малого уже сорок лет служу в этом доме, и это дало мне возможность скопить немалые деньги, ведь расходы-то у меня всегда были самые ничтожные. Когда несколько лет тому назад мой старик отец скончался, мне достались оба его дома в Гренингерской улице, и с того времени я ежегодно откладывал в сроки платежей за наем от двух и до трех тысяч гульденов, «за обшлаг рукава» – так мы, гамбургцы, выражаемся. И все это я делал для тебя, Бенно, все для тебя, мой мальчик!

– Для меня?! – удивленно спросил мальчик. – Для меня? Скажи, Гармс, ведь Цургейдены – очень богатые люди?

Старый слуга утвердительно закивал головой.

– Да, наш сенатор, наверное, имеет несколько миллионов, но из этого еще ничего не следует: ты не можешь рассчитывать ни на один пфенниг!

– Неужели? Но я слышал от людей, что мы – последние в роде Цургейденов. Кто же тогда должен наследовать после дяди в случае его смерти все эти капиталы?

Гармс задумчиво покачал головой:

– Бог знает, кто, но только не ты, мой мальчик, никак не ты, поскольку недавно он составил завещание, а в этом не было бы никакой надобности, если бы он собирался оставить все свои капиталы единственному законному наследнику, то есть тебе: ведь ты – единственный сын его единственного брата, никаких других родственников у вас нет... Но что об этом говорить! Ты еще слишком молод для таких рассуждений, к тому же пусть твой почтенный дядя оставляет свои капиталы кому угодно, хоть рыбам в Эльбе, меня это вовсе не печалит, так как должен тебе сказать, и я, со своей стороны, тоже написал завещание по всем требованиям закона, которое хранится у нотариуса; в нем твое имя стоит напротив довольно кругленькой цифры, могу тебя уверить. Вот так-то! Все это будет твое! Того хочу я, Петр Леберих Гармс, гамбургский мещанин и землевладелец, как и твой почтенный дядюшка, сенатор и оптовый торговец... Ну да это уже к делу не относится!

Бенно улыбнулся, растроганный и смущенный.

– Какой ты добрый, хороший человек, Гармс, я от души благодарю тебя, но желаю, чтобы ты прожил еще долгие годы, пользуясь всем, что по праву принадлежит тебе! Дай тебе бог дожить до того времени, когда тебе дано будет видеть, что я стал человеком, который может сам заработать свой кусок хлеба. Но сейчас ты мог бы оказать мне большое одолжение, если бы только захотел.

– И какое же? – спросил старик.

– Расскажи мне что-нибудь про моего покойного отца!

Старый слуга как будто колебался с минуту и, вынув свою трубку изо рта, задумчиво посмотрел на подростка:

– Про твоего отца, Бенно? Да, прекрасный он был господин, ласковый, добрый...

– Ты часто говорил это мне, а бабушка показывала мне иногда его портрет и при этом всегда горько плакала. Почему же в нашем доме никогда не говорят и не упоминают о моем отце? Почему само имя его предано здесь забвению? Знаешь, что мне думалось иногда?..

Старик отвернулся немного в сторону, пробормотав:

– Глупости, пустяки...

Глаза Бенно вдруг вспыхнули каким-то особым огнем, яркий румянец покрыл его щеки, и он сказал слегка дрогнувшим, взволнованным голосом:

– Знаешь, Гармс, мое подозрение теперь еще более окрепло. Хочешь, я скажу тебе сейчас, что я думаю? Есть что-то такое в жизни моего отца, о чем предпочитают умалчивать, что-то скрывают ото всех! Есть какая-то темная тень, скрывающая нечто недоброе, и в этом ты меня не разуверишь. Это чувствуется само собой, и ты, конечно, не станешь отрицать, что мое предположение верно. Не так ли?

– Нет, не так! И для того чтобы ты не придумывал на своего отца никаких нелепостей и в конце концов не стал бы его считать за дурного человека, я уж лучше расскажу тебе всю правду. Слушай же! В течение целых трех веков Цургейдены из рода в род прилежно подводили счета, сидя за конторкой от ранней молодости и до глубокой старости. «Цургейден и сыновья» – так издавна звалась их фирма. Все они были купцы, торговцы и судовладельцы, вплоть до твоего отца. Это был человек с новыми воззрениями, и в этом состояло все его преступление. Ну вот, теперь ты знаешь все!

Бенно отрицательно покачал головой:

– Только это? Больше ничего?

– Ну и еще кое-что, – сказал старик, – покойный никогда не умел беречь деньги, он любил и ласковый солнечный свет, и беззаботный смех, и дружескую беседу, тогда как брат его только одно и знал, только одно любил, об одном и думал: цифры, цифры и цифры. Вот почему братья никогда не ладили между собой и, наконец, окончательно разошлись.

– Так, значит, мой отец умер не здесь?

Гармс как бы случайно отвернулся в сторону и коротко ответил:

– Нет, не здесь!

– Но кем он был? Чем занимался при жизни?

– Он был студентом, изучал разные науки и здесь и там расходовал очень много денег.

Бенно провел рукою по лбу и спросил:

– Он, значит, был мот и расточитель? Да?

Старик кивнул.

– Да, – сказал он, – мот и расточитель, но чудный, честный, благородный человек, всеми уважаемый и любимый. Только вот деньги буквально таяли у него в руках: горсть золотых

гамбургских дукатов² была для него сущий пустяк; всего одна минута, и все эти дукаты мигом исчезали, точно у них вдруг разом выросли крылья.

Все это старик говорил таким тоном, точно это были самые отменные качества покойного.

– У каждого человека имеются свои недостатки, – продолжал он. – Только не всегда так преувеличивают их! Впрочем, ты об этом лучше совсем не думай, но знай, что деньги Цургейденов ничем не лучше моих, а мои тебе обеспечены, мой мальчик! Ладно, ступай себе наверх в свою комнату и загляни в тайничок: я припрятал тебе в нем горсточку слив.

Бенно встал.

– Ты полагаешь, что мне лучше вовсе не заходить в гостиную, Гармс?

Старик потряс головой:

– Так будет лучше, дитя мое, барометр стоит нынче низко и предвещает бурю!

– Уже не из-за меня ли опять? – спросил встревоженно юноша.

– Не то чтобы из-за тебя. Но старики наши сегодня взволнованы! Зачем тебе впутываться в их неприятности?

– Ну да, конечно! Спокойной ночи, Гармс!

– Спокойной ночи, дорогой мой, не забудь же заглянуть в трубу твоей печки!

– Спасибо тебе, Гармс!

И мальчик побежал наверх. Крадучись пробирался он мимо общей комнаты по совершенно темным сеням, как вдруг услышал, что кто-то произнес его имя, и это заставило его на минуту остановиться.

– О ком вы скорбите, матушка? – говорил сенатор. – Уж не опять ли о Бенно? Вам все кажется, что ему нехорошо живется!

– Нет, зачем же мне печалиться о Бенно, Иоганн? – отвечал тихий женский голос, похожий на вздох. – Разве он не получает самые лучшие отметки, разве он не на лучшем счету у своих преподавателей? Но меня огорчает, что ты не любишь его, что ты преследуешь в этом невинном ребенке его покойного отца, которого ты своей жестокостью и нетерпимостью вогнал в гроб!

Сенатор насмешливо фыркнул.

– Упреки! – сказал он резким тоном. – Пожалуй, можно было бы с большим правом сказать, что его память до сей поры нарушает наш семейный мир и вызывает постоянно досаду и раздражение. Но вот теперь я знаю, почему вы всплакнули. Сегодня день рождения Теодора, не так ли?

Ответом было подавленное рыдание старушки. Бенно чувствовал себя также крайне взволнованным. Сегодня день рождения его отца, а где та одинокая могила, о которой даже и он, сын его, не знает? Чья рука когда-либо положила венки на эту позабытую всеми и заброшенную могилу?

«Я разыщу эту могилу, – решил мальчик, – будь она хоть на краю света. Расспрошу о ней Гармса: он, наверное, знает!»

– Вы говорите, матушка, что я не люблю мальчика, – продолжал сенатор резко и холодно, – и говорите это так, как будто это несправедливость или преступление с моей стороны, но насколько еще хватит в этом отношении моего долготерпения, я, право, не знаю. Вчера я встретил классного преподавателя Бенно...

– Ну что ж, он не мог тебе сказать о нем ничего, кроме хорошего!

² Дукат (*ит.* ducato, от *позднелат.* ducatus – герцогство) – старинная серебряная, а затем золотая монета, появилась в 1140 г. и распространилась по всей Западной Европе в качестве самой высокопробной (3,4–3,5 г чистого золота). В России аналогом дуката был золотой червонец.

– Ну, этого я еще не знаю. Он говорил, что Бенно учится шутя и что хотя он первый в своем классе, но склонен к легкомыслию. Всякая шалость, всякая глупость его товарищей – его выдумка, всякая проделка их нравится ему и встречает его одобрение... Вы, думаю, знаете, матушка, насколько мне ненавистны подобные вещи, мамаша?..

– Знаю, ты совершенно другой человек, Иоганн! Я признаю все твои достоинства, но наряду с ними не могу не порицать твоей нетерпимости. Нельзя же требовать, чтобы шестнадцатилетний мальчик думал и чувствовал, как ты, седовласый старик!

– По крайней мере, он должен приучаться к этому! – энергично воскликнул сенатор. – Я надеялся после сдачи выпускных экзаменов взять его учеником в нашу контору, но вижу, что теперь мне окончательно приходится отказаться от этой мысли. После того что мне рассказал его учитель, нечто похожее на шутки его достойного папаши...

– Нет, нет, не говори так! Теодор никогда не делал ничего дурного, ничего такого, что бы могло служить обвинением для него перед Богом или передо мной, слышишь ли?

– Думайте, что хотите, матушка, но позвольте и мне делать то же. Вот что рассказал мне его учитель. Есть в классе Бенно один преподаватель, очень близорукий; он очень строг, и мальчуганы его не любят. И вот они подвесили на ниточке над его головой бумажного чертика, и всякий раз, когда близорукий учитель склонялся над своей книгой, чертик опускался и щекотал его лысину. Он, думая, что это муха, пытался ее согнать, но в этот момент чертик подымался. Едва только начинал он читать, повторялась та же шутка. И, как вы думаете, кто все это придумал и осуществил? Кто держал ниточку, на которой спускался чертик? – Господин Бенно Цургейден! Тот учитель, который рассказывал мне это, видел все своими глазами.

– Ну и Бенно, конечно, был наказан!

– Нет, современное воспитание преследует какие-то особые цели: учитель преспокойно вошел в класс и понаблюдал, а затем сказал: «Цургейден, выйдите и позовите сюда классного служителя». А когда тот явился, он так же спокойно приказал ему: «Перережьте эту нитку и уберите то, что тут висит». Бенно стоял красный, точно вареный рак, но дальше не было и речи об этой истории!.. Нет, такой пустой, такой легкомысленный человек не пригодится мне в конторе! И знаете, чем тот учитель еще порадовал меня?

– Чем?

– Он сказал мне: «Ваш племянник – талант; вы бы послушали, как он декламирует; у него воистину артистическая натура и наклонности. Ха-ха!.. Как вам это нравится? Я, право же, подумываю отдать его в чужие руки, поместить где-нибудь в чужом доме! Когда я не буду ежедневно видеть его, мне станет намного легче!

С уст старушки сорвался какой-то неясный, подавленный звук:

– Нет, нет, Иоганн, этого не будет! Если только не хочешь вогнать в гроб твою мать, да, вогнать в гроб!.. Ах, боже мой... я не могу... я...

– Полноте, матушка, вам не следует так волноваться. Спокойной ночи, я сейчас пришлю вам служанку! – И он дернул звонок.

Бенно тихонько добрался до своей комнатки наверху и запер за собой дверь на ключ.

Итак, дядя решил отдать его в чужой дом, изгнать его отсюда из-за какого-то паршивого бумажного чертика! Конечно, уйти из этого дома было еще боязно, но ему оскорбительно было сознавать, что это своего рода изгнание, опала. Для впечатлительного мальчика эта мысль казалась чрезвычайно обидной. И все впечатления дня воскресали и сливались у него в одно горькое, тоскливое чувство.

Он сел к окну и, опустив голову в ладони, долго сидел неподвижно, подавленный, разбитый и усталый.

Теперь его товарищи, думалось ему, в кругу родной семьи рассказывают о веселом событии, об удивительном скачке его, Бенно, на норовистом дрессированном осле, и собираются на следующий день отправиться в цирк. Что-то кольнуло в сердце подростка; ему казалось, что

он видит ласковые лица этих матерей, веселые, смеющиеся глазки сестер и младших братьев, слышит, как они говорят: «Несчастный Бенно, как безрадостно проходят его молодые годы, – там в этом мрачном неприветливом доме он живет, как в тюрьме». Как часто приходилось ему слышать такие слова! Бенно глубоко вздохнул. К нему никогда не смел прийти ни один товарищ! Когда кто-либо хотел его видеть, то приходил под окно и насвистыванием вызывал его на улицу. Вспоминались ему и последние слова товарищей, когда он расставался с ними сегодня на улице, их вопросы, их искреннее удивление. Как тяжело было ему осознавать все это!

И мальчуган горько заплакал, закрыв лицо руками. Сливы в печной трубе – его тайнике – остались нетронутыми. Бенно бросился на постель и долго рыдал, пряча лицо в подушку, пока наконец усталость не взяла свое и он только после полуночи заснул тяжелым, мучительным сном.

На следующее утро в классе только и было разговоров, что о цирке и первом вечернем представлении. Все собирались побывать там. Сам сеньор Рамиро, директор цирка, успел уже побывать почти во всех богатых и знатных домах, умело и красноречиво предлагая почтить его великолепное цирковое представление своим присутствием и вручая тут же входные билеты.

– Неужели твой дядя не купит тебе билет? – спрашивали товарищи Бенно.

Мальчик, вздыхая, отрицательно качал головой.

– Такого человека, как цирковой наездник, он не пустит даже на порог своего дома!

– Ну в таком случае ты отправишься с нами, – сказал Мориц, – моя мама так сразу решила!

– Или же с нами, так как без тебя, Бенно, все веселье насмарку! – воскликнул другой гимназист.

Бенно отрицательно качал головой:

– Нет, нет, господа, не мучайте меня! То, что вы предлагаете, для меня неприемлемо!

Но сердце его болезненно сжималось, и страстное желание присутствовать на представлении все сильнее и сильнее овладевало им. Что за чудные лошади! А лошади – первейшая страсть Бенно. Почему бы ему не пойти туда, за заставу, в предместье Санкт-Паули? Ведь это ему никогда не воспрещалось! И, надев фуражку, юноша вышел на улицу. Уже издали до него стала доноситься оглушительная бравурная музыка, высоко над полотняной крышей балагана развевался громадный флаг с изображением герба города Гамбурга. Вокруг дощатого балагана шел громадный забор, огораживающий просторный двор; уличные мальчишки всех возрастов всячески старались взобраться на высокий забор, чтобы заглянуть внутрь двора; но вдруг за забором появилась чья-то рука в розовом трико с длинным хлыстом, и вся эта юная гурьба, словно зрелые яблоки с дерева, посыпалась на землю, а обладатель руки в розовом трико взглянул сквозь щель забора, и глаза его встретились с глазами Бенно. Оба они сразу узнали друг друга.

– Здесь рядом боковая калитка, молодой человек, – вымолвил, любезно улыбаясь, сеньор Рамиро, – окажите милость, войдите!

Сердце Бенно забило сильнее: теперь-то он увидит даже больше, чем его счастливые товарищи, взявшие лучшие билеты в кассе: он увидит не только представление, но и закулисную жизнь этих артистов, кочующих среди повозок, ящичков и дрессированных животных!

– Вы хотите что-то сказать мне, господин директор? – спросил он, снимая фуражку и вежливо раскланиваясь в свою очередь.

– Да, мне даже крайне необходимо поговорить с вами!

Калиточка отперлась изнутри, и Бенно проворно проскользнул в огороженное пространство.

Сеньор Рамиро крепко пожал ему руку, проговорив:

– Добро пожаловать, молодой человек! Позвольте мне узнать ваше имя!

Бенно назвал и спросил:

– Что вы собрались сообщить мне, господин директор?

– Нечто весьма важное, но прежде всего пойдёмте со мной: я представлю вас жене и дочери!

Бенно внутренне улыбнулся, но последовал за сеньором Рамиро, по пути любезно раскланиваясь с самыми разнообразными группами лиц в странных нарядах, занимавшихся своими делами здесь же, между нагроможденными ящиками и повозками. Все это было весьма похоже на шумный цыганский табор.

Вечер выдался тихий и теплый, а потому вся маленькая странствующая труппа занималась своими хозяйственными делами прямо под открытым небом. Весь этот ложный блеск, вся эта мишура, яркие тряпки пестрых нарядов, бумажные коровы и фальшивые камни производили на Бенно, который никогда еще не видел всего этого вблизи, какое-то странное впечатление. Девушка в кокетливом наряде испанки старательно чистила картофель, тогда как рослая красивая матрона в ярко-красном шелковом платье, стоя в величественной позе, мешала что-то варившееся в громадном котле, подвешенном над огнем. Тут же играли дети, и уныло бродила ученая коза с вызолоченными рогами. Неподалеку стоял Мигель, все такой же бледный, с большими мечтательными глазами, и резал репейник в ясли Риголло. Из-за забора доносился веселый говор и смех все прибывавшей толпы, а здесь, в огороженном дворе, сыпались шутки и остроты этих пестро разряженных беспечных и беззаботных людей, умевших брать от жизни все, что она могла им дать, и безропотно делить на всех и горе, и нужду, и удачу, и прибыль.

Бенно почувствовал, как у него все легче и легче становится на душе среди этих взрослых людей, бесхитростных и простодушных. Когда же он вспомнил о том мрачном доме, где все как будто вымерло, где не только веселый смех или острая шутка считались преступлением, но даже бледная улыбка на молодом лице вызывала негодование и раздражение, – сердце его невольно сжалось: да разве это была жизнь? Нет!.. Просто какое-то жалкое, печальное существование, от которого невольно застывала кровь, черствело сердце и засыпали в душе лучшие чувства!

– У меня, господа, явилась блестящая идея! – торжественно воскликнул сеньор Рамиро. – Выслушайте меня!

Великанша в огненно-красном платье, мешавшая ложкой в котле, зачерпнула своего варева и, попробовав его, весело воскликнула:

– За твое здоровье и преуспевание, Рамиро, за твою блестящую идею!

Все присутствующие весело рассмеялись.

– Благодарю, добрая моя Хуанита! Моя прекрасная супруга! – добавил он вместо представления, указав Бенно грациозным жестом на великаншу. – Благодарю тебя, хотя ты выпила за мой успех не благородным вином, а простой размазней, но тут всего важнее пожелание!.. Что с тобой, Мигель? – обратился он вдруг к бледному юноше. – Что это ты заслоняешь собой нашего Риголло, как будто ему грозит опасность?

– Он боится, сеньор, и весь дрожит!

Рамиро подошел к серому и, взяв за повод, вывел вперед. Животное упиралось, не хотело идти, очевидно узнав Бенно.

– Прекрасно! – сказал директор цирка с довольной улыбкой. – Это как раз то, что требуется! Теперь выслушайте, что я надумал! – обратился он ко всем присутствующим. – Вы, конечно, знаете, друзья, что тому, кто трижды объедет арену на нашем Риголло и не будет сброшен им на землю, обещана тысяча талеров?

– Да, обещана! – комически вздохнула сеньора директорша.

Все рассмеялись. Рамиро продолжал:

– Конечно, найдутся желающие попытаться счастье, и вот после того, как многие мужчины и мальчишки-подростки один за другим «закопают редьку», нырнув головой в песок, появятся вы, молодой человек, через боковую дверку, как будто также из публики...

– Я?! Помилуйте, сеньор Рамиро, как вам могла прийти подобная мысль?!

– Погодите, молодой человек! Вы появитесь в громадном белом чепце, под видом веселой пожилой матроны, в громадном кухонном фартуке и косынке на груди, слегка поддурмяненный, с большой ложкой вместо хлыста, и сделаете свое дело, как вчера. Ну не блестящая ли это мысль, друзья?

И сеньора Хуанита, и артист в телесного цвета трико, и «человек-змея», и хорошенькая испанка – все разом захлопали в ладоши:

– Вот это да! Это должно произвести фурор!

Даже сам Бенно невольно рассмеялся.

– Я – в образе пожилой матроны? – удивился он.

– Ну конечно же вы! Давайте сделаем сейчас и попробуем!

– Нет, нет! Это совершенно невозможно!

– Помилуйте, эта маленькая репетиция ведь ни к чему не обязывает вас, почему же вы отказываетесь?! Прошу вас, повернитесь немного в эту сторону, молодой человек, вот так! Прежде всего румяна!

И щеки Бенно мгновенно получили кирпично-красную окраску. Брови, подведенные углем и легкий слой пудры на лбу и подбородке до того изменили юношу, что даже сам он, взглянув в зеркало, которое держала перед ним испанка, не узнал себя.

– Ну а теперь живей большой чепец и фартук!

Но молодая девушка подавала уже и то и другое.

– А вот и платье, которое может надеть молодой господин, папа! – проговорила она.

Бенно сбросил куртку и перерядился. И как при этом весело смеялись все присутствующие!

– Попробуйте-ка проехать! – сказал Рамиро. – Вы вполне успеете, касса откроется еще только через четверть часа!

– Где? Там, на арене?

– Конечно, здесь почва чересчур неровная!

Бенно кивнул. Рамиро взял под уздцы осла и вывел его на арену; следом за ним двинулись туда все присутствующие, в том числе и переодетый Бенно. Сердце его усиленно билось; какое-то непонятное чувство не то робости, не то смущения овладело им.

– Не робейте, молодой человек, у вас несомненный комический талант, и наездник вы превосходный! Держитесь только слегка жеманно, как будто вы смущены и все же не в силах устоять против искушения попытаться счастья добыть кругленькую сумму. Размахивайте юбкой в обе стороны, пусть публика смеется вашим ужимкам! Вот так!..

Бенно, прихватив с обеих сторон двумя пальцами свое платье, вышел на арену, помахи-вая юбкой и жеманно выступая, причем его громадный чепец как-то особенно забавно покачивался из стороны в сторону, так что все присутствующие положительно не могли удержаться от смеха.

– Прекрасно! Превосходно! – ободрял его Рамиро. – Теперь попробуйте вскочить на осла!

Бенно с разбега мигмом вскочил в седло, но едва только успел сделать это, как бедняга, подняв морду кверху, жалобно взвыл, затем, поджав хвост, мелкой рысцой побежал вокруг арены с низко опущенной головой и весьма подавленным видом. Все неудержимо засмеялись, даже сам Бенно. Когда сеньор Рамиро поднимал свой хлыст кверху, Риголло делал слабую попытку брыкнуть, но затем снова продолжал трусить мелкой рысцой с самым покорным видом.

– Bravo! Bravo! Брависсимо! – звучало со всех сторон.

– О, эта затея сулит нам громадный успех! – воскликнул директор. – Мы по этому случаю можем даже увеличить цены!

– Но ведь это невозможно, – бормотал Бенно, – право, это совершенно немислимо!

Тогда великанша подошла к нему и растроганным, умоляющим голосом проговорила:

– Ах, молодой человек, ведь вам это ничего не будет стоить. Я прошу вас, сделайте для нас это великое одолжение! Там, в фургоне, у нас лежит больное дитя; быть может, бедный ребенок скоро умрет, у него чахотка. А мы не знаем, как нам обеспечить ему хоть какой-нибудь уход, как призвать врача, так как и за место это еще не заплачено в городскую управу!

– Хуанита! – тревожно прервал ее сеньор Рамиро.

Но великанша довольно повелительно взглянула на него, и он смолк.

– Почему же молодому человеку и не знать этого? – возразила она. – В этом нет ничего предосудительного! И я прошу, очень прошу вас, молодой человек, вставьте в нашу сегодняшнюю программу этот смешной номер. Этим вы сделаете настоящее доброе дело!

– Ну, хотя бы только сегодня! – прибавил со своей стороны директор.

– Пусть так! – решил Бенно. – Только сегодня, так как я ввязываюсь в слишком опасную игру; что, если кто-нибудь из моей семьи узнает, что я публично выступал на арене?

– Ну да, конечно же, я отлично понимаю, что существуют такого рода обстоятельства – предрассудки, в силу которых некоторые люди гнушаются артистов, гнушаются талантом!.. да, да, вы правы, я не смею настаивать...

– Так только сегодня!.. Не больше!.. – повторил Бенно.

Рамиро и великанша переглянулись.

«Пусть он только попробует, – подумал Рамиро, – сценический успех опьяняет и увлекает, как хорошее крепкое вино, пусть только попробует сегодня! А там посмотрим!»

– Пора, Педро! – сказал он, взглянув на свои часы и обращаясь к «человеку-змее». – Пора, мой милый!

Тот на руках прошелся до стены, снял ногами с гвоздя старую медную трубу и затрубил в нее, словно он, подобно древнему пророку, собирался этими трубными звуками заставить пасть стены своего балагана.

Глава II

Безумный. – Цирковая пантомима. – Дебют на Риголло. – Неприятная встреча. – Безжалостный дядюшка и верный слуга. – Тайна дома Цургейденов

Толпа заволновалась и, точно бурный поток, прорвавший плотину, устремилась в деревянный балаган. Перед входом сидела у маленького столика за кассой испаночка и с самым беззаботным видом, но втайне с сильно бьющимся сердцем принимала плату за вход.

Бенно, притаившись за занавесом, видел, как вошли в зрительную залу и заняли целых две скамьи сплошь его одноклассники. Все они оказались сегодня здесь.

Вскоре весь цирк был полон так, что некуда было яблоку упасть; сеньор Рамиро буквально расцвел от удовольствия.

Началось представление. Первым выступал Педро, затем ученые обезьянки стреляли из пистолетов, маршировали под барабан, причем одна из них была за барабанщика и проделывала множество забавных номеров; после того увеселяла зрителей ученая коза, балансировавшая на четырех тарелках, поставленных на горлышках четырех бутылок.

Бенно наслаждался увлекательным зрелищем из-за занавеса, как вдруг почувствовал, что кто-то коснулся его плеча. Это был Мигель.

– Что вам, Мигель?

– Почему вы не хотите мне довериться, сеньор Бенно? Я знаю, что вы знаете с тайными силами природы и черной магией.

– Да с чего вы это взяли, Мигель? Никакой черной магии и не существует!..

Бедняга даже испугался:

– Нет, нет, вы ошибаетесь, если бы не было колдовства, мы, люди, никогда не могли бы беседовать с русалками!

– А что же вы хотите от русалок, дружище? – спросил его Бенно.

Глаза Мигеля вдруг разгорелись особым огнем, и щеки вспыхнули румянцем.

– О, если бы вы помогли мне встретиться с ними! – прошептал он дрожащими устами.

– Но это невозможно, мой бедный Мигель!

– Невозможно? Я этому не верю!.. Если я буду терпеливо ждать до того времени, когда вы найдете удобным, то я уверен, что мое желание исполнится. Почему бы вам в самом деле не доставить мне это счастье?

– Мигель! Мигель! Где ты там? – крикнула вполголоса Хуанита. – Иди же сюда!

Бедняга побежал на зов, а Бенно снова стал смотреть на то, что происходило на арене ярко освещенного цирка. А там как раз начиналась большая, очень забавная пантомима. После нее следовало представление ученого пуделя, затем очередь была за Бенно. Риголло вел себя прелестно; сначала он казался кроток и смирен, как овечка, но когда на предложение директора цирка попытать счастье добыть тысячу талеров искусством объехать на этом осле трижды вокруг арены, не будучи сброшенным с седла, вызвался сперва один из товарищей Бенно, затем другой, но оба они на первом же круге полетели через голову в песок.

Наконец выступил на сцену Бенно. При одном виде его осел задрожал от страха и жалобно завопил, а когда тот вздумал вскочить на него, высоко задрал ноги и убежал на конюшню, что вызвало неудержимый смех в публике. Но сеньор Рамиро тотчас же снова вывел его на арену и на этот раз дал Бенно вскочить на него. Далее все было проделано точно так же, как во время репетиции, и успех этой веселой клоунады превзошел все ожидания.

И осла и «наездницу» шумно вызывали, требовали повторения; предлагали за этот номер вторичную плату. Многие из товарищей были уверены, что узнали в матроне Бенно.

– Bravo! Бенно! – кричали многие.

– Bravo! Bravo! Стряпуха с шумовкой!

– Повторить! Повторить! – слышалось со всех концов.

Между тем Бенно уже давно сорвал с себя чепец и фартук и старательно смывал грим.

– Неслыханный успех! – восхищался сеньор Рамиро, седлая вороного. – Нечто невероятное, моя дочь обходит с тарелкой, люди бросают в нее деньги, как будто это вялые листья по осени. Да, вот оно, торжество искусства!

А мадам Хуанита, подойдя тем временем к Бенно, ласково опустила руку на его плечо и сказала тепло и растроганно:

– Сердечно благодарим вас, молодой господин, благодарим за каждый шиллинг, который мы получили благодаря вам! Господь да благословит вас за то, что вы сегодня сделали для нас.

– А завтра будет продолжение, не так ли? – засмеялся «человек-змея».

– Нет, это совершенно невозможно, – отвечал Бенно. – Я предупреждал, что это будет единственный выход! Имей я деньги, я с радостью отдал бы все их вас, мадам, но вторично проделать это представление, право, не могу!

И, пожав всем присутствующим руки, Бенно направился в сопровождении Мигеля к боковой калитке, выходящей на площадь.

– Видите вон там эти таинственные видения? – робким шепотом спросил юноша, наклоняясь к самому уху Бенно.

– Это белое там, над городским рвом, просто туман, мой друг, и ничего больше, уверяю вас!

– Нет, я уж знаю! Это – покровы, все застилающие собой! Давно как-то мне удалось проникнуть под эти покровы, и теперь я знаю... Не ходите вы туда, бога ради, сеньор Бенно, не подходите к ним близко! – молил бедняга.

– Нет, нет, Мигель, вы можете быть спокойны, я туда не пойду!

– Спокойной ночи, сеньор! Меня зовут!..

– Спокойной ночи! – отозвался Бенно и вышел за калитку.

Под свежим впечатлением всего пережитого, а главное, небывалого успеха и громких оваций. Бенно незаметно дошел до городских ворот; теперь ему хотелось как можно скорее вернуться домой.

Позади слышались уже голоса его одноклассников; очевидно, представление кончилось, и они тоже спешили по домам веселой гурьбой, как всегда громко разговаривая и делясь впечатлениями вечера. Бенно решил дождаться их, чтобы идти вместе, но вдруг, когда товарищи его уже поравнялись с ним и обступили его со всех сторон, за его спиной точно из-под земли выросла высокая фигура старика с палкой под мышкой, большими круглыми очками на носу, в опрятном, но довольно поношенном платье, который так и впился глазами в Бенно. Это был Мальман, правая рука торговой фирмы «Цургейден и сыновья», чуть ли не целых пятьдесят лет прослуживший в конторе этой фирмы, такой же человеконенавистник, такой же скряга, такой же ярый противник всяких увеселений и развлечений, как и сам сенатор Цургейден.

– Ну-с, молодой человек, – вымолвил он, усиленно покачивая головой, – что это еще за новости, какими это вы судьбами в полночь попали сюда, за городскую заставу? А?

Смех подошедших гимназистов прозвучал в ответ.

– На часах только десять минут одиннадцатого! – сказал один из гимназистов. – Не знаю, почему у вас уже полночь!

– Плюнь, Бенно, на это старое пугало, пойдем своей дорогой! – говорил другой.

Но старик загородил Бенно дорогу и, стоя против него, сердито постукивал свой палкой о плиты панели.

– Ну-с, сударь, спрашиваю вас, известно ли господину сенатору, что вы в такое время ночи находились еще за чертой города?

– Господин Мальман, – сказал Бенно насколько мог спокойно, – я действительно немного запоздал с моими друзьями, но в этом, полагаю, нет ничего особенно дурного. Что касается того, что я был за городом, это мне никогда не было воспрещено!

– Во всяком случае, я сообщу об этом господину сенатору. Это моя священная обязанность, а я всю свою жизнь не нарушал никогда своих обязанностей и честно служил своей фирме. Ну а теперь марш!

И он быстро зашагал вперед. Мальчики поотстали от него и дружной толпой провожали своего любимца, всячески выражая ему свое сочувствие и негодование против старого соглядата и доносчика.

На прощание все они дружески пожали ему руку и еще долго смотрели вслед даже тогда, когда он успел уже скрыться в длинном темном проходе цургейденского дома.

– Аи, аи, голубчик, позднечко ты сегодня задержался, ведь скоро одиннадцать часов! – полудосадливо-полушутливо сказал старый Гармс, запирая за ним двери.

– А что? Спрашивали меня?

– Кто тебя станет спрашивать? Кто о тебе заботится или беспокоится? Бабушка не смеет, а дядюшка не хочет! Вот возьми свечу: на лестнице темно, да разуйся лучше здесь, чтобы не стучать каблуками, и ступай осторожней по полу, мой милый!

Закончив свое наставление, старик случайно взглянул в лицо своему любимцу и даже испугался:

– Как ты бледен, родной мой! Уж не болен ли ты?

– Нет, нет, Гармс, это тебе только кажется!

– Ну, уж не знаю, а только выпей рюмочку доброго винца, оно не повредит!

Бенно повиновался, затем осторожно стал пробираться в свою комнату. Плотнo закутавшись в одеяло, бедный мальчик, несмотря на теплую летнюю ночь, дрожал как в лихорадке. Что-то принесет ему наступающий день?

Вопрос этот гвоздем засел у него в голове.

Долго-долго не мог заснуть бедняга, а на следующее утро проснулся со страшной головной болью, его знобило, и он был бледен как полотно, но, несмотря на все это, пошел в гимназию: просидеть целый день одному в крошечной комнатке, не видя ни души живой, не имея с кем сказать слова, было бы совершенно невыносимо.

Но вот по окончании классов волей-неволей приходилось идти домой, а затем дома предстояло неизбежное объяснение с дядей, объяснение, в котором он, Бенно, не мог скрыть случившегося, не мог, если не хотел лгать, – а лгать он не хотел: пусть будет, что будет, но надо идти навстречу неизбежному!

У калитки его подждал Гармс. Его доброе старческое лицо казалось встревоженным и взволнованным.

– Слушай, – сказал он, – господин сенатор спрашивал тебя и приказал, чтобы, как только ты вернешься, немедля шел к нему!

– Ладно, иду! – вздохнул Бенно, и как ни готовился к этому объяснению, все же сердце его судорожно забило при словах старика.

Гармс тихонько вздохнул.

– Учти, голубчик, что сенатор сильно не в духе, – шепнул он на ухо своему любимцу, – видно, ему опять насплетничали что-нибудь! Но если с тобой случится беда, не забывай, что я здесь, во мне ты всегда найдешь и опору и поддержку, мой милый мальчик!

– Знаю, Гармс, мой верный и надежный друг! – растроганным голосом сказал мальчик и, положив форменную фуражку и книги на стол в своей комнате, прошел в гостиную, где его ожидал дядя.

Тот прохаживался медленными шагами от окна к двери и от двери к окну, у которого сидела в кресле бабушка, тревожно ожидавшая прихода своего внука.

– Подойди-ка сюда, – сказал сенатор, увидев входящего Бенно, – я хочу получить от тебя одно разъяснение. Мальман сказал мне, что видел тебя вчера в одиннадцатом часу ночи за городскими воротами! Правда ли это?

– Да, дядя!

– Где же ты изволил быть в такое позднее время?

Бенно, собравшись с духом, твердо и спокойно отвечал:

– На поле Святого Духа!

– Что я слышу! У паяцев и канатных плясунов! И Гармс дал тебе, конечно же, деньги на этот цирк!

– Нет, Гармс и сейчас ничего не знает об этом!

– Так кто же дал тебе деньги?

– Никто! Я не платил за вход! Я случайно попал в цирк!

– Так эти бродяги – твои интимные друзья?! Цургейден пробирается в боковую дверку балагана и ведет дружбу с цыганами с большой дороги! Прекрасно, нечего сказать! Уж не соби-раешься ли ты и сам стать фигляром?

Слабый крик, сорвавшийся с губ старушки, прервал жесткую речь сенатора:

– О Иоганнес! Как тебе не грешно? Какого мнения будет о тебе наш мальчик?

– Смотрите! Смотрите, матушка, как он покраснел! Это краска стыда! Спросите его сами, проделывал ли он там, в обществе бродячих оборванцев, разного рода фиглярства или нет! Спросите его сами! Ведь вы еще недавно уверяли, что он никогда не лжет!

Полуразбитая параличом старуха сделала невероятное усилие и, дрожа всем телом, при-поднялась немного в своем кресле, протянув вперед свою здоровую руку.

– Поди ко мне, мой бедный мальчик! – воскликнула она. – Поди ко мне! Если ты даже два раза действительно проехался на цирковой лошади, то какой справедливый и разумный человек счел бы это за преступление?

Бенно смело взглянул в глаза сперва дяде, потом бабушке и сказал:

– Бабушка, милая, я признаюсь вам во всем! Я только раз, один-единственный раз ездил на осленке. Я, конечно, не имел ни малейшего намерения этого делать, но те бедные люди так просили меня ради их больного, умирающего ребенка, для которого я надеялся таким образом получить право на второй добавочный сбор, что я не сумел отказать им... но...

– Боже правый! Ты участвовал в представлении, несчастный? Нет! Это невозможно, невозможно! – вскричал сенатор.

– Простите, дядя, ведь я сказал...

– Нет, нет! Довольно!.. Терпение мое истощилось! Я хочу теперь знать еще одно: получил ли ты плату за свое лицедейство? Говори сейчас же!

– Конечно, нет! Как вы можете думать о таких вещах, дядя? Простите меня еще раз, дядя, я обещаю вам впредь быть более осмотрительным в своих поступках!

– Довольно! Довольно я прощал! Ты предал мое имя на поругание! Твой отец тоже все время давал обещания и затем продолжал тот же постыдный и легкомысленный образ жизни, как и раньше!

– Дядя! – воскликнул Бенно, весь вспыхнув. – Оскорбляйте меня, если хотите, но не оскорбляйте моего покойного отца! Скажите мне, в чем именно вы так жестоко упрекаете его, ведь я уже теперь в таком возрасте, когда мне пора знать об этом!

– Молчи! – крикнул на него сенатор. – Твое дело повиноваться, повиноваться и только! Отец твой был недостойный человек, о котором только из великодушия молчат: теперь ты знаешь это, – и доволен с тебя!

Глаза Бенно заискрились каким-то особым огнем.

– Это неправда! Неправда, дядя! – воскликнул он энергично. – Другие люди отзываются о моем отце с величайшим уважением и любовью!

Сенатор злобно тряхнул головой; едкая улыбка искривила его губы:

– Другие люди! Чужие, никогда не знавшие настоящего его характера, так как в нашей семье принято все скрывать от посторонних. Да... Но ты хотел знать, так узнай же, до какого падения, до какого преступления дошел твой отец! Ты сам того хотел...

– Иоганнес! – воскликнула старушка. – Иоганнес, как ты можешь так говорить! Бедный ребенок не должен ничего знать, слышишь, ничего! Я запрещаю тебе!

– Я – не ребенок, мне нельзя запрещать или приказывать! – сказал сенатор резко.

Старуха с трудом поднялась со своего кресла и неверной, шаткой поступью подошла к Бенно. Бледный как мертвец, мальчик едва держался на ногах, предчувствуя что-то ужасное.

– Пойдем, дитя, уйдем отсюда! – шептала старушка, стараясь увлечь его за собой.

Но сенатор преградил ей дорогу.

– Нет, пусть он знает! – крикнул он. – Видишь, Бенно, левая рука твоей бабушки висит, как плеть! Видишь? Это сделал нож твоего отца!

– Молчи! Молчи! Ты должен молчать, когда тебе приказывает твоя мать, или ты забыл четвертую заповедь Закона Божьего? – воскликнула старушка.

– Но я не желаю молчать! Разве не Теодор поразил вас ножом в плечо? Разве это не ваш любимчик, не ваш баловень, которого вы обожали? Однако довольно! – прервал себя сенатор, задыхаясь. – Теперь тебе кое-что известно о своем отце – иди же и рассуди хорошенько, кто прав, я или те люди, что отзываются о твоем отце с уважением и любовью!.. Иди!

Бедный мальчик едва расслышал последние слова дяди; в голове у него шумело, вся комната пошла ходить ходуном; в глазах мелькали красные круги.

– Бабушка! Бабушка! Дорогая, неужели же это все правда?! – с рыданием в голосе вырвалось у него.

– Правда, дитя мое, он ранил меня, но, пока я жива, я никогда не поверю, чтобы мой сын поднял на меня руку умышленно! Нет, это был просто *несчастный случай!*

– Кому же предназначался этот удар? – чуть внятно пролепетал мальчик побелевшими губами.

– Его собственной матери, как я тебе сказал! – со злобным ударением повторил сенатор.

– Это ложь, Иоганнес, ложь! Ах, боже!

Старушка пошатнулась, лишившись чувств, и, наверное, рухнула бы на пол, если бы Бенно не подхватил ее. Как перышко, донес он ее на руках до дивана и с тревожной заботливостью подложил ей подушку под голову.

– Ведь она не умерла, дядя? Смотрите, какая она бледная...

Сенатор молча дернул звонок; на зов явилась служанка, которой он приказал помочь своей госпоже, после чего снова начал допрос Бенно. Мальчик подтвердил все, что говорил раньше.

– В таком случае ты позже узнаешь мое решение относительно тебя, а пока не смей ни на шаг отлучаться из дома, даже и в гимназию! Слышишь? – объявил дядюшка.

У Бенно даже сердце упало при последних словах дяди.

– Дядя! Неужели вы хотите забрать меня из гимназии?

– Нам не о чем больше говорить с тобой! Ступай к себе!

Мальчик молча вышел из комнаты и на цыпочках вернулся к себе. Множество вопросов вертелось в его голове. Он сидел у окна, опершись головой на ладонь, и думы, одна другой мучительнее, не давали ему покоя.

Настало время ужина, но его не позвали к общему столу, а послали ужин сюда. После ужина сенатор вышел куда-то из дома, – все затихло, точно вымерло вокруг. В одиннадцатом часу вернулся Цургейден, Гармс запер за ним боковую входную дверь, и все опять стихло.

У Бенно стучало в висках, голова шла кругом; он лег в кровать, но не мог заснуть. Вдруг он почувствовал, что дверь его комнаты бесшумно отворилась, и знакомый голос спросил:

– Ты еще не спишь, Бенно?

Мальчик протянул вперед руку.

– Как хорошо, что ты пришел, Гармс! – И мальчик глухо зарыдал.

Старик дал ему выплакаться и, присев к его постели, тихонько гладил его рукою по плечу, а когда он затих, сказал:

– Ну, если ты еще не очень хочешь спать, то мы с тобой часочек поболтаем!

– Да, да, расскажи мне про отца!

– После, после, сперва ты расскажи мне, что там было с этими цирковыми наездниками...

– Как ты узнал об этом, Гармс?

– Видишь ли, Бенно, часто и стены имеют уши, а у нашей служанки Маргариты особенно тонкий слух! А сенатор очень рассвирепел?

– Ах, Гармс, мне пришлось услышать такие ужасные вещи, не относительно себя, но...

– Да, да, знаю!

– Гармс, разве ты уже был тогда здесь, в доме? Все это было при тебе? Да?

– Да, да, только не торопись, я расскажу тебе все по порядку. Мы с твоим отцом и господином сенатором мальчиками вместе играли. Мой отец служил у твоего дяди, и твою бабушку я помню еще молодой дамой. Это она послала меня к тебе и приказала рассказать тебе все, как было; сама она еще очень слаба после вчерашней сцены. Я обещал ей, что расскажу тебе все подробно.

– Так рассказывай!

– Не спеши! Видишь ли, твоя бабушка души не чаяла в своем младшем сыне Теодоре, твоим отце, во всем ему потакала и покрывала все его безрассудства. Он рос болезненным ребенком, и потому бедная женщина особенно привязалась к нему. Впрочем, этот умный, добрый и приветливый человек имел одну страсть, которая и погубила его: он безудержно играл и проигрывал громадные суммы!

– Ради бога, Гармс, не утаивай ничего от меня!

– Нет, нет, будь спокоен! Итак, старший из братьев Иоганнес работал не покладая рук и не разгибая спины для того, чтобы после нашествия французов, разграбивших весь наш город и подорвавших нашу торговлю, поддержать фирму Цургейден и не допустить ее разорения, а младший в это время не думал ни о чем: ни о своем торговом деле, ни о поступлении в университет, о чем мечтала его мать, ни о выборе для себя какой-либо деятельности. Старший обдумывал каждый свой шаг, каждое свое движение, младший же всегда действовал в зависимости от настроения, ничего не взвешивая и не обдумывая. Отношения между братьями всегда были натянутые и скорее недружелюбные, а однажды настолько обострились, что от слов они перешли к действиям: Иоганн схватил тяжелые каминные щипцы и замахнулся ими на брата, последний же, увернувшись от удара, схватил лежавший на столе нож и стал им обороняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.